

VII. СТРАННЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

В первой половине XX в. Восточное Закавказье было еще полно первозданной, мало тронутой природы. От жаркого берега Каспия, лежащего на 27 м ниже уровня океана, до альпийских лугов и скал перевалов на высотах 3500—3800 м Малого и Большого Кавказского хребтов здесь сменяется серия зональных ландшафтов.

Полупустыня и степь с солянками, полынями, дикой пшеничкой и ячменем, долины Куры и Аракса с их приречными лесами, тростниками придаточных озер давали зимний приют многотысячным стаям стрепетов, уток, гусей, казарок, сотням журавлей, огромным бабурам-пеликанам и синим султанским курам. Здесь кормились степные лисы, шакалы, стайки быстроногих джейранов и табунки массивных кабанов. И совсем ведь недавно, еще в тридцатых годах сюда заходили барсы, тигры, благородные олени. Летом в камышах формировались гнездовые колонии колпиков, ибисов-караваек, бакланов и разных цапель. Тугаи и оазисы поселков кишели турачами, фазанами, зайцами.

Ранней весной, в марте, когда в степях зацветали коврики розоватого аистника и появлялись бугорки земли с пустынными трюфелями, пролетали на север кроншнепы, чибисы и кречетки. Оживали и выползали из нор огромные средиземноморские гадюки — гюрзы, мохнатые желтые фаланги, черные тарантулы и пятнистые каракурты. Отсюда в Британском музее в Лондоне хранится рекордный экземпляр гюрзы длиной в 210 см. Укус такой гадюки при обилии впрыскиваемого яда часто смертелен. Гюрза, поджидая мышь, тушканчика, зайца, лежит тихо и неподвижно, кажется медлительной, тяжелой. Но это только кажется. Нападая и защищаясь, она быстра и коварна. Удобнее ее ловить за хвост, когда она залезет на 1/3 в нору. Подняться на хвосте до руки она не может, — но остерегайтесь: раскачиваясь, она может вцепиться в бок или бедро!

Занятен и агрессивен здесь и краснобрюхий иногда лимоннобрюхий полоз — он же злой уж, достигающий двух с половиной метров длины и способный молниеносно подниматься на хвосте в попытках укусить человека в лицо. Такой же величины бывает и быстрая ящерица змея с вдавленным лбом.

В можжевеловых лесах глинистых холмов — боздагов — встречается быстрая, изумрудного цвета ящерица длиной 30—40 см, которая способна удирать от ловца, прыгая по деревьям и ветвям подобно древесной игуане.

Низовые, предгорные леса из широколиственных пород с обилием лиан у подножий хребтов дают и теперь приют кабанам, оленям, косулям, медведям. В них гнездятся и кормятся голубые сизоворонки, горлицы, витютени.

Выше, в горных ущельях, буковниках, на альпийских лугах и в скалах обитают серны, кавказские козлы — туры, олени, косули.

С шестидесятих годов, после устройства в долине Куры Мингечаурской плотины и грандиозного водохранилища, в прикуринских степях многое изменилось. Исчезли под 40-метровой толщей воды (выше плотины) или обсохли и выгорели (ниже) приречные тугаи. Обсохли и распаханы днища озер Ширванской и Мильской степей с их чудными зарослями каспийского лотоса. В горных заповедниках — Лагодехском, Закатальском — началась безудержная георазведка, распугавшая стада крупных копытных зверей.

И все же уцелевшая живность пытается вести по-прежнему самобытную, частью новую жизнь, стремясь всеми силами приспособиться к изменившимся условиям или уйти, убежать, переселиться в более или менее защищенные, еще не обжитые человеком участки. В поведении зверей при этом остается еще много неизвестного, малопонятного. Особенно своеобразны приемы общения животных друг с другом в брачный период и при выводе молодых. Современным зоологам-прагматикам до таких эмоций своих кормильцев обычно нет дела, их чаще интересуют просто конечные результаты в жизненных циклах популяций — динамика численности и сухие факты и факторы ее роста или угнетения.

Интимные жизненные ситуации зверей и зверушек наблюдаются, как правило, только попутно, мимоходом, а они бывают крайне поучительны, особенно в условиях, создаваемых человеком.

Изучая экологию степной (общественной) полевки в полупустыне Куринской низменности, я был однажды свидетелем поразительно дружной операции сенокошения у этих грызунов. Отросшая травка — пшеничка-эгилопс — утром 20 апреля 1940 г. была аккуратно подкошена у колоний полевков на многих гектарах и оставлена на просушку. Солнечным жарким днем срезанная трава быстро подсохла, а вечером была вся утащена в виде сена в норы на устройство детных гнезд. Сам факт такой коллективной работы объяснялся, возможно, какими-то гидрометеословиями. Пытаясь провести абсолютный учет этих зверушек в начале апреля под городком Агдашем, мы решили затопить водой четверть гектара поля люцерны. Выбегавших из норок полевков сразу же ловило несколько человек. Было поймано 22 взрослых и 10 полувзрослых зверьков, но три кормящие самки самоотверженно до последнего момента пытались спасти свой подсосный молодняк. Свои гнезда из сухой травы и выводки розовых голых малышей они успели вытащить на поверхность почвы, маскируя их в побегах люцерны.

С этой полевкой связан и вымысел, имеющий до сих пор несомненный успех у популяризаторов. Таким вымыслом является известный рассказ натуралиста К. Н. Россикова о массовом переселении полевков в жаркий день августа в Мильской степи. В условиях летнего перегрева почвы полевки действительно шмыгают всюду, но только по ночам. Днем они гибнут на солнце за две-три минуты, и поэтому поневоле отсиживаются в глубине нор.

В жизни молодых зверушек большое значение имеют игровые импульсы. Забавную ночную игру при полной луне я наблюдал в конце ноября у речных выдр на одном из озер Куринской низменности. Два выдренка катались на брюшке с горки. Издавая хлюпающие звуки, они в течение часа поочередно взбирались на берег и по мокрому заиленному лотку съезжали в воду. Их логово располагалось под кустом ежевики. Мамаша выдрят в это время плавала поблизости и охотилась на лягушек в береговом бордюре травы. Выплывая на плес, она временами призывно свистела.

Занятна бывает и игра зайцев. Возвращаясь под вечер по дремучему дубово-тополевоу лесу, что стоит теперь под 40-метровой толщей воды Мингечаурского водохранилища, я заметил впереди на полянке, окруженной вековыми дубами, мелькание каких-то зверушек. Я под-

крался к ним поближе и увидел четырех зайцев-подростков. Они непринужденно резвились как ребятишки, вставая на дыбки и высоко взбрыкивая задними лапками. Временами зайки отчетливо играли в чехарду, совершая друг над другом забавные сальто. Услышав шорох, зверушки в смущении рассыпались — скрылись в лесу.

Направленные игровые действия бывают ярко заметны и у копытных. Как-то в конце августа на крутом склоне альпийского луга в Закатальском заповеднике я наблюдал за стадом серн в 56 голов. Дело было на высоте 3000 м. Из внезапно налетевшей тучи брызнул холодный ливень. Как только он кончился, звери будто по команде начали бешено носиться вниз и вверх по склону с размахом до 100—150 м. Это занятие они прекратили минут через 10, когда согрелись и от них пошел пар.

В условиях постоянного преследования животные бывают психически угнетены, перестают нормально питаться, размножаться, играть. Такое угнетенное состояние получило несколько десятилетий назад название стресса.

Общаясь друг с другом и реагируя на окружающие события, животные иногда издают совершенно не свойственные им звуки, и случается, что крик лося, оленя, косули, кабана можно запросто принять за рев какого-то могучего хищника. В других случаях звуки, издаваемые некоторыми животными, кажутся буквально загадочными, непонятными. Загадочны оказались и крики какого-то животного в джунглях под Ленкоранью и в Закатало-Исмаиллинской низменности.

Впервые я услышал о странном реве какого-то загадочного зверя от одного из знакомых биологов. Это случилось на острове Сарá в юго-западном углу Каспия в 1944 г. Возвратившись после контузии с фронта, зоолог Кызылагачского заповедника Герасим Александрович Успенский стоял ноябрьским вечером на утином перелете в километре от центрального рыбацкого поселка. Сумерки постепенно сгущались. Жалобно простонали в разных направлениях свою вечернюю песню шакалы. Большие стаи крякв, шилохвостей и красноголовых нырков ушли с моря на чалтыки (рисовые поля), и только одиночные птицы, почти невидимые на темносинем фоне неба, изредка посвистывали крыльями. Охотник стоял на небольшой полянке перед мелкой длинной лужей. Полянку со всех сторон окружала непролазная чаша кустов ежевики. Колючая стена быстро однообразно темнела.

Сзади из темного и большого куста внезапно донесся чей-то могучий вздох. Через мгновение охотник невольно присел, повернувшись к луже спиной и вскинув ружье к плечу. В джунгле метрах в 20 от него слышался теперь жуткий рев какого-то зверя. Успенскому, бывалому охотнику, не приходилось ранее слышать что-либо полностью подобное. Несколько похоже рычат медведи или дерущиеся кабаны. Меньше он походил на рев косули, оленя, вой волка. В этих звуках слышалась особая мощь и грубые тона.

— Быть может это тигр или барс, проникший сюда из лесов Талыша, из тростников Мугани?! Или это кто-то из молодых рыбаков изображает страшного хищника? — Мысли, предположения одна другой фантастичнее мелькали у озадаченного и напуганного охотника. Уже несколько напряженных минут он держал у плеча ружье, ожидая каждую секунду стремительного нападения. Но рев прекратился так же внезапно, как и начался — не было слышно и ни малейшего шороха.

Подхватив пару застреленных уток, с взведенными курками Успенский торопливо и опасливо возвращался домой, дав себе слово захватывать пулевые патроны даже на самую маленькую охотничью экскурсию. Еще больше был он озадачен, узнав на другое утро от объездчика заповедника Е. М. Савина, что несколько дней тому назад тот также слышал подобный рев в густых вечерних сумерках. Серьезных событий после столь необычных случаев на острове не произошло, и они понемногу забылись. Однако через год совсем в другом месте мне пришлось вспомнить о загадочных звуках на острове Сара.

Произошло это в половине октября в Агричайской долине Азербайджана — Закатало-Исмаиллинской низменности под южным склоном Большого Кавказа. Дня два я экскурсировал западнее райцентра Исмаиллы в дикой джунгле. Продрогший после холодной ночевки под нависшей замшелой корягой, я тихо шел на утренней заре по дну глубокого оврага, заросшего ольхой, кавказской лапиной, ясенем и длиннолистным дубом. Сбоку журчал ледяной прозрачный ручей — «карасу», — один из многих потоков, питающих лососевую речку Турьянчай. По грязи и опавшим развороченным коричневым листьям были видны следы табунка кабанов и нескольких шакалов, прошедших ночью, и совсем свежий след крупного медведя. Но меня интересовало другое: нужно было разыскать

следы скунсов, енотовидных собак и енотов-полоскунов, выпущенных здесь для расплода перед Великой Отечественной войной. Под ногами шуршали подмерзшие за ночь сизые от инея перистые листья лапины и вырезные листья дуба. Сизые стволы деревьев мягко терялись в дымке тумана уже в сотне шагов.

Внезапно слева, с ближнего крутого склона оврага, донесся чей-то сильный рев. Он прерывался временами и затихал, потом дикие мощные завывания начинались с новой силой.

Меня на бегу дробовые патроны на пулевые, я бросился наверх, рассчитывая встретиться с медведем. В сезон зрелых каштанов и орехов топтыгины частенько спускались в низменность из горных лесов. Выбравшись на край оврага, я неожиданно очутился в заброшенном лесосаду — обширнейшие уголья занимали грецкие орехи и каштаны вперемежку с одичавшими насаждениями мушмуллы и яблонь.

Зверь взревел совсем близко еще раз — и все смолкло. Я продвигался потихоньку среди росистого бурьяна по неясной звериной тропинке. В маленьком овражке под кустом шиповника показалась свежая нора барсука. С треском бронзовой ракетой взвился из-под ног фазан, обивая росу с ветвей яблони, заставив вздрогнуть сердце и подкинуть к плечу ружье. И снова все тихо . . . Покрутившись еще в нескольких направлениях, я собрался уже вернуться в овраг продолжить прежний маршрут, но впереди послышался шорох, и на тропинке, раздвигая нависшие ветви, появилась голова лошади, а затем и сидящий на ней молодой азербайджанец. Мы поздоровались. Судя поговору, всадник побывал в армии.

— Слышал ли ты чей-то рев? — спросил я его.

— Да, — ответил он довольно равнодушно, — слышал. . .

— Какой же это зверь так сильно кричит?!

— Это кричит совсем, совсем старый шакал, голый шакал, у которого вылезла от старости вся шерсть. . . Другие думают, что это кричит лесной человек, но я этому не верю. Да, так мне говорили мой отец и дед, и также думаю я сам, — добавил он в ответ на мой жест изумления.

Вскоре я вновь пробирался меж сплетений колючих лиан по дну оврага, вдоль ручья, размышляя о старом голом шакале, который выражает столь мощным ревом свое негодование или жалобу на неумолимую судьбу.

Меня, конечно, не удовлетворило разъяснение азербайджанца, но другие варианты были пока неясны, и загадка автора рева оставалась окутанной тайной.

Осенью 1946 г. я вновь посетил низовые леса Агричайской долины к западу от селения Нидж. Там, в глухой джунгле были интересные развалины крепости и города Чухур-Кабала. Крепость занимала неширокий вытянутый треугольник — мыс, омывавшийся двумя речками. Вертикальные природные обрывы мыса, сложенные из галечника и щебня, высотой метров по 20—25 были дополнены когда-то кирпичными стенами и двумя массивными боевыми башнями цитадели. С тыла, в широкой части, крепость защищали земляной вал и кирпичная стена.

В XIV в. Чухур-Кабала была взята приступом монголами и разрушена до основания. О прежнем процветании города свидетельствуют теперь разбросанные по ручьям и лесу квадратные плоские кирпичи и обилие керамики.

Итак, я вновь бродил по каменистым руслам лесных речек бассейна Турьянчая, наблюдая и подсчитывая на песчаных и илистых отмывках печатные следы кабанов, оленей, косуль, шакалов, волков, медведей, енотов-полоскунов, камышовых и лесных кошек, рысей, куниц белодушек, барсуков и выдр.

Вся эта живность, кроме енотов, явно благоденствовала в здешней глуши на протяжении последних шести веков. Полоскуны¹ дали о себе знать местным жителям через шесть лет после выпуска. Нуждаясь в убежищах — дуплах, они стали тяготеть к окраинам селений и садам, где сохранялись старые деревья: кавказская лапина, дуб и ива. За акробатическое лазанье по деревьям азербайджанцы прозвали енота «маймун» — обезьяной. Маймуны быстро оценили вкусовые качества черешни и кур. Глупые птицы с наступлением вечера одна за другой взлетают здесь для сна на деревья, считая себя там в безопасности от диких кошек и шакалов. Вот ночью-то еноты и расправляются со спящими курами, а по соседству — и с фазанами. Следы енотов встречались не реже, чем барсучьи.

Следов скунсов и енотовидных собачек обнаружить, как и в прошлом году, не удалось. Часто попадались зато следы черных аистов, турачей и фазанов.

¹ Полоскун — иначе енот-прачка — североамериканский зверек, питающийся лягушками, раками, фруктами.

Рис. 26. В кавказской лапине угнездился енот-полоскун. 1946 г. Фото автора.

Солнечный тихий день конца сентября, обилие диких и одичавших фруктов, лесных и грецких орехов, шумные взлеты фазанов создавали прекрасное настроение. Под вечер я облюбовал для отдыха и ночевки опушку небольшой сухой поляны и, соорудив косою навес из полотнища легкого полубрезента на случай дождя и постель из ветвей, развел костерок. После легкого ужина я потушил огонь и улегся. В сумерках меня охватило неясное беспокойство как бы от пристального взгляда. Поэтому двадцатку,

заряженную картечью, я положил вдоль тела дулом к ногам, чтобы ее можно было быстро схватить даже одной рукой. Засыпая, я вдруг почувствовал какое-то сотрясение в изголовье, которое упиралось в небольшие деревца грабинника. На одном из них висела связка из трех убитых в тот день фазанов. Приоткрыл глаза: на фоне серого неба смутно выделялась какая-то темная фигура, стоящая на задних ногах. Контуры ее были как бы размыты, но на миг четко показалась косматая шерсть, как у медведя. Существо ухватило связку фазанов и попыталось ее сорвать с сучка.

Снится, решил я и перевернулся со спины на бок, чтобы прогнать кошмар, но в этот момент один из фазанов шлепнулся мне на голову и разбудил окончательно. В одно мгновение я вскочил на колени и, подкинув к плечу ружье, выглянул из-под навеса: какая-то сероватая тень, растворяясь в темноте, удалялась вдоль опушки кустов, волоча что-то за собой. Естественно, я не удержался от выстрела навскидку. В ответ раздался какой-то странный не то звериный крик, не то стон, от которого внутри все похолодело, а затем был слышен только затихающий шорох.

До утра я ворочался с боку на бок, по-видимому, временами засыпая. С рассветом ночное происшествие стало казаться занятным приключением. Поляна была вся в густом холодном тумане. Пройдя по следу, я нашел двух фазанов. Одного, подумалось, утащил шакал. Затем на траве стали попадаться пятна крови, и, пройдя еще десятка три шагов, я увидел в кустах странное скрюченное существо. Это был какой-то обезьяно-человек! Коренастое волосатое бесхвостое тело, длинные мощные лапы-руки были как у шимпанзе. Мой заряд пробил ему поясицу рядом с позвоночником, и он, очевидно, недолго страдал. Я мучительно пытался вспомнить, к какому виду приматов можно отнести это животное.

Буроватая короткая и жесткая шерсть на спине и на верхних частях передних лап, или рук, имела частично серовато-пепельный оттенок и местами, ниже локтей, висела космами. Морда человеко-зверя была почти безволосая, но не вытянутая, как у павианов, нос приплюснутый, с открытыми широкими ноздрями, уши закругленные, высоко посаженные. Из-под края большого разреза узких губ виднелся кончик белого клыка. Голова-то в общем казалась небольшой, как у бульдога или у боксера. Ладони были розоватые, морщинистые, пальцы с очень выпук-

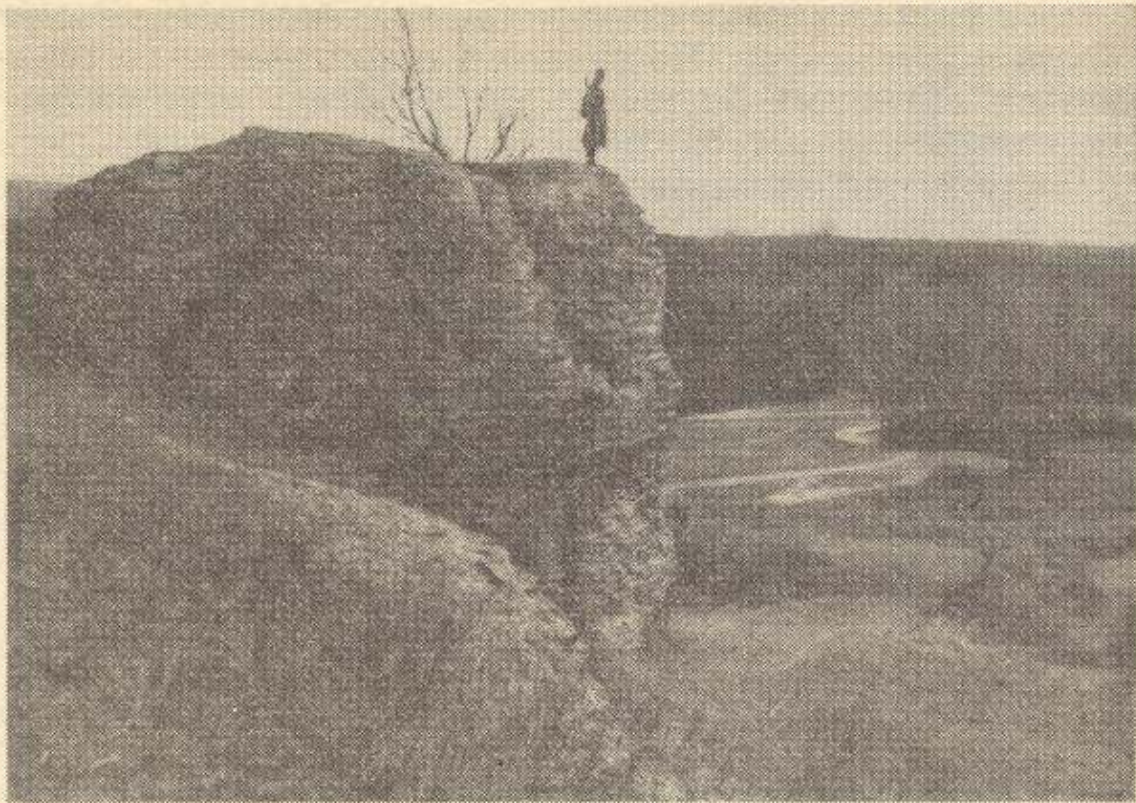

Рис. 27. Руины крепости Чухур-Кабала зимой. 1946 г. Фото автора.

лыми, затупленными когтями. Это была вполне взрослая самка.

Зная, что на Кавказе обезьяны — макаки — вымерли до последней ледниковой эпохи, я решил, что это какой-нибудь убежавший из зверинца или из Сухумского питомника экземпляр неизвестного мне вида. Возиться долее с этим странным чудищем я не решался и был страшно смущен и озадачен. В этот миг невдалеке послышались какие-то завывания, вновь напомнившие мне прошлогодние. Проверив дрожащими руками ружье, я двинулся в направлении звуков и вскоре на росистой траве обнаружил чьи-то свежие следы, похожие на медвежьи.

Вернувшись к своей жертве и захватив труп крюком, я оттащил его в овражек — старую яму, заросшую крапивой и черной бузиной.

Для защиты от хищников я решил забросать зверя ветвями и дерном и уже прикидывал, что к весне — когда труп загадочного существа совсем разложится — сюда следует приехать с компанией ученых и торжественно в присутствии коллег извлечь чистенький и полный скелет. То-то будет работенки антропологам! Еще лучше, конечно,

увезти сейчас в Баку свежий труп или по крайней мере снять с него шкуру. Но ведь мне с ним просто не справиться! Пришлось бы тащить три с лишним пуда на себе несколько километров дикой джунглей до ближайшего большака, там ловить попутную машину или арбу, везти человеко-зверя километров восемьдесят до станции Закавказской железной дороги, грузить труп в вагон. . . Пройдет суток трое, и протухшую зверюгу не примут ни в холодильник, ни в лабораторию. Пожалуй, я все же сниму с него хотя бы шкуру, когда пройдет трупное окоченение. Еще раз оглядев свою странную жертву, я извлек блокнот и сантиметровой лентой измерил тело и лапы зверя, сделал глазомерные кроки полянки, опушек, ямы с ориентировкой на ближайшую речку Карасу и цитадель Чухур-Кабалы.

В этот миг солнечный луч, очевидно, пробил серую толщу облаков и скользнул на мое лицо. Повернувшись на бок, я открыл глаза. На фоне дальней опушки клубились белесые космы, постепенно улетающие ввысь. Над головой висели два фазана, а одна безголовая птица валялась внизу. Отбросив куртку, я вскочил на ноги, отчаянно чертыхаясь и стряхивая остатки ночных кошмариков.

С тех пор как я бродил по низовым дебрям Агричайской долины, прошло много лет, но ни я, ни вскоре уехавший в Молдавию Г. А. Успенский так и не знаем истинного исполнителя загадочного рева на острове Сарá и в районе древних развалин Чухур-Кабала. Нет сомнения, однако, что молодые азербайджанские зоологи, пытливые и настойчивые, со временем откроют эту тайну.

В последние десятилетия стала весьма модной наука этология, исследующая поведение животных. Есть надежда, что успехи изучения повадок последних помогут лучше понимать причины, вызывающие колебания численности популяций и определяющие уровни жизнестойкости высокоорганизованных существ. Возможно, они помогут и научному обоснованию опытов акклиматизации.

При более внимательном отношении к диким обитателям планеты станут понятнее их требования в отношении комфорта и общения друг с другом. Ведь до сих пор широкая публика и часть ученых сомневаются в существовании

особых иерархических взаимоотношений в популяциях диких животных, наличии, например, няnek в семействах медведей, кабанов, оленей, антилоп, козлов, вроде тех, что были упомянуты в очерке о Закатальском заповеднике.

Что касается моего курьезного сна близ развалин Чухур-Кабала осенью 1946 г., то он был, вероятно, навеян всей обстановкой лесных дебрей, дневной усталостью и непонятными криками на острове Сарá и близ Ниджа. Его отнюдь не следует сопоставлять с модной в шестидесятих годах «проблемой снежного человека», с фантастическими рассказами об «инопланетянах» и иных организмах. Сама по себе нелепая идея поисков диких человекообразных существ — «гоминоидов» — в современном перенаселенном мире может быть оправдана лишь неукротимым стремлением более близкого общения горожан с благостным миром нетронутой природы.